УДК 94(477)(093.3):930(001.891)“1991/2020”

Казацкие летописи как источники в современных исторических исследованиях

Войцеховская Т.В.
Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепр (Украина)

Казацкие летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко важные историко-литературные произведения конца XVII – начала XVIII ст. Длительное время в исторической науке казацкие летописи рассматривались как субъективные и недостоверные источники, которые имеют скорее литературный характер, нежели исторический.

Цель статьи – проанализировать исторические статьи и монографии 1991 г. –2020-х гг., в которых летописи Самовидца, Грабянки и Величко использованы как источниковая база.

Материал и методы. *Работа осуществлялась на основе казацких летописей Самовидца, Грабянки, Величко, а также статей и монографий нынешних украинских ученых. Методология исследования построена на принципах историзма и научности, применены методы анализа и обобщения, а также историко-типологический и историко-системный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Летописи военных канцеляристов определяются сегодняшней исторической наукой как литературно обработанные хроники, которые, несмотря на недостоверный фактаж, все же остаются ценным источником социально-политических представлений и общественного мнения Гетманщины. Произведения Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко допустимо назвать историографическими источниками, поскольку на их материале можно изучать эволюцию украинского историописания и развитие исторического сознания. Ряд ученых, используя казацкое летописание, исследует историю идей и представлений, историю повседневности, историю понятий, историческую топонимику, вопросы гендера в XVII–XVIII вв.*

Заключение. *Казацкое историописание в современной историографии является важным источником для изучения интеллектуальной истории, общественной мысли и развития исторической науки.*

Ключевые слова: *казацкие летописи, источник, история представлений, Самовидец, Г. Грабянка, С. Величко.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 14–19)

The Cossack Chronicles as Sources in Modern Historical Researches

Voitsekhovskaya T.V.
Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro (Ukraine)

The Cossack Chronicles of Eyewitness by G. Hrabyanka and S. Velychko are important historical and literary works of the late XVII – early XVIII centuries. For a long time in historical science, Cossack chronicles were considered as subjective and unreliable sources, which are more literary than historical.

The purpose of the study is to analyze historical articles and monographs of the 1991 – 2020s, in which the Cossack Chronicles G. Hrabyanka and S. Velychko were used as a source.

Material and methods. *The work was carried out on the basis of the Cossack Chronicles of Eyewitness by G. Hrabyanka and S. Velychko and articles and monographs of modern Ukrainian scientists. The research methodology is based on the principles of historicism and scientificity. Methods of analysis and generalization, historical-typological and historical-system methods are applied.*

Findings and their discussion. *The Cossack Chronicles are defined by modern historical science as literary-processed chronicles, which, despite unreliable facts, nevertheless remain a valuable source for social and political representations and public opinion of the Hetmanate. The works of Eyewitness, G. Hrabyanka and S. Velychko can be called historiographic sources, since they can be used to study the evolution of Ukrainian historiography and the development of historical consciousness. A number of scientists who use the Cossack chronicles study the history of ideas, the history of everyday life, the history of concepts, historical toponymy, gender issues in the XVII–XVIII centuries.*

Conclusion. *The Cossack Chronicles in modern historiography is an important source for the study of intellectual history, social opinion and the development of historical science.*

Key words: *Cossack Chronicles, sources, history of ideas, Eyewitness, H. Hrabianka, S. Velychko.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 14–19)

*Адрес для корреспонденции: e-mail: tvoitsekhovska@yahoo.com – **Т.В. Войцеховская***

Казацкие летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко (или так называемая «литература военных канцеляристов») являются важной частью изучения истории украинской исторической мысли XVIII века современными исследователями. Из всего массива казацкого летописания именно эти три произведения привлекают наибольшее внимание ученых, прежде всего, благодаря своей художественной образности, литературной обработке текста, раскрытию общественно-политических представлений Гетманщины и влиянию, которое летописи оказывали на историческое сознание еще как минимум 200 лет после их создания.

Долгое время в научных исследованиях преобладало мнение, что казацкие летописи содержат чрезвычайно ценную информацию по истории XVII–XVIII вв. и важные документы – письма, грамоты, привилегии, а также речи, которые записаны со слов исторических фигур. Однако уже в конце XIX в. рядом ученых были высказаны сомнения в подлинности документов, включенных в текст казацких хроник, и в целом достоверности фактографических свидетельств, представленных военными канцеляристами.

В нынешней украинской историографии восприятие и использование казацких летописей освещалось не многими исследователями. В статьях И. Дзыры рассмотрено изучение летописей Самовидца, Грабянки и Величко в XIX веке [1; 2]. Вопрос исторических произведений казацкой старшины в работах советских ученых также охарактеризован И. Дзырой [3]. Несмотря на основательный обзор хроник военных канцеляристов и ценные наблюдения историка, казацкие летописи анализируются в общем контексте украинской исторической мысли XV–XVIII вв. Такой широкий объект исследования не охватил всех особенностей восприятия учеными исторических произведений казацкой старшины. Хронология историографического обзора научных публикаций советских исследователей ограничивается лишь серединой 30-х годов XX века. В современной исторической науке отсутствует работа, которая бы характеризовала описание и оценку важных источников украинской общественно-политической мысли – казацких летописей на протяжении XVIII–XXI вв. Не представлена и работа по применению литературы канцеляристов в сегодняшней историографии, где учитывается фактографическая недостоверность летописей Самовидца, Грабянки и Величко.

Цель статьи – проанализировать исторические статьи и монографии 1991 г. – 2020-х гг., в которых летописи Самовидца, Грабянки и Величко использованы как источниковая база.

Материал и методы. Для написания работы исследовались следующие источники: летописи Самовидца, Г. Грабянки, С. Величко, а также статьи и монографии современных украинских ученых.

Методология данной научной публикации построена на принципах историзма и научности. Принцип историзма позволил проследить эволюцию в восприятии казацких летописей – от сугубо исторических источников, какими их видели первые издатели и исследователи, до барокковых историко-литературных конструкций. Принцип научности помог на основе проанализированных работ охарактеризовать распространенные темы исследования казацких летописей, а также раскрыть широкие возможности летописей Самовидца, Грабянки и Величко как исторических источников в современной исторической науке. Применены методы анализа и обобщения, а также историко-типологический и историко-системный методы. Анализ исторических работ построен согласно тематическому, а не хронологическому принципу.

Результаты и их обсуждение. Начиная с момента археографических публикаций летописей и до начала XX в. исследователи высказывали различные мнения относительно источниковедческой ценности казацких летописей. Первое издание летописи Самовидца (1846 г.) О. Бодянским сопровождалось вступлением П. Кулиша об источниковедческой ценности и актуальности работы Самовидца. И. Самчевский, который подготовил вторую публикацию «Действий презельной брани» Г. Грабянки (1854 г.), а также издал 3-й и 4-й тома произведения С. Величко (1855 и 1864 гг.), подчеркивал достоверность исторического нарратива работ казацких канцеляристов. О. Левицкий при издании летописи Самовидца в 1878 году отмечал крайне высокую источниковедческую ценность данного текста, несмотря на фактические ошибки, которые были допущены или автором, или переписчиками. Такие историки, как Н. Костомаров и В. Антонович, активно использовали представленные канцеляристами факты для своих научных работ и романов. В противоположность восприятию произведений казацкой старшины как фактографических исторических источников выступали исследователи Г. Карпов, М. Максимович, И. Франко и М. Грушевский. Они более скептично относились к научному наследию канцеляристов, говорили о литературном и даже беллетристическом характере казацких летописей. Благодаря таким исследованиям уже в начале XX века казацкие хроники начали воспринимать как литературно обработанную историю.

Правда, в конце XX – начале XXI в. литература канцеляристов снова активно используется как исторический источник в научных трудах, однако в них существенно изменяется предмет исследования.

Н. Яковенко рассматривает казацкие летописи Самовидца, Грабянки и Величко как источники по истории общественной мысли, источники по истории идей и представлений Украины XVIII века. Довольно часто в ее научных трудах можно встретить толкование понятия отечества, вопрос этногенеза казачества, политические предпочтения старшины Гетманщины в текстах «шедевров литературы канцеляристов». В «Очерке истории Украины» исследователь подчеркивает, что «казацкая публицистика, одетая в одежду историописания (так как должна была на драматично

монументальных примерах показать действия казачества), имела генеральную цель обосновать правомерность точки зрения старшины на Украину как законную отчину казаков» [4, с. 290]. Н. Яковенко в текстах казацких летописей анализирует, как применялось понятие «отечество» и по отношению к украинским землям. Также Н. Яковенко изучала на материалах текстов Самовидца, Грабянки и Величко вопрос легитимности казацких завоеваний. По мнению ученого, казацкая концепция истории опиралась на три основных тезиса: законность казацкого владения вытекала из рыцарской службы благородных казаков разным династиям и продолжалась до тех пор, пока властелины уважали их права; казаки представляли интересы всего народа, поскольку защищали благочестивую веру; казацкий народ имел естественное и Богом данное право на свои вольности [4, с. 292–293].

Кроме того, Н. Яковенко обратила внимание, что именно С. Величко создал образ Запорожской Сечи как своеобразный мессианский символ в истории украинского народа и квинтэссенцию народовластия [4, с. 293].

В монографии «Зеркала идентичности» [5] автор использует казацкое летописание как источник для исследования истории идей. Прежде всего, речь идет о представлении казацкой элиты относительно природы репрезентации и обязанностей власти (раздел «Хозяева отечества»). По словам ученого, с 1649 года «фиксируются попытки придать гетманству сакрализованое содержание с помощью риторических, идеологических и дипломатических средств, что превращало гетманское правление, добытое “през саблю”, во власть, дарованную от Бога» [5, с. 405]. По заключению Н. Яковенко, одним из создателей этой идеи, бесспорно, был Г. Грабянка. Концепция принятия Гетманщины в подданство к русскому царю изучалась на материалах текстов Грабянки и Величко. Проанализировавшая летописи исследователь считает, что это соглашение расценивалось как военный союз и опека, но не полноценное подданство или рабство [5, с. 412]. Ученый также освещает вопрос отождествления гетмана и народа как единого целого, преимущественно в тексте С. Величко, и сравнения шляхетской и казацкой модели «народовластия». Н. Яковенко подчеркивает, что «довольно частыми у “летописца” являются апелляции к “народу” как суверену, которому принадлежит summa potestas в государстве, что также совпадает с речепосполитской доктриной власти» [5, с. 417].

Исследование понятия «отечество» было весьма актуальным среди исторических публикаций конца XX – начала XXI в. Одним из них явилась статья Ф. Сысина, посвященная анализу «отчизны» в политической культуре начале XVIII века, а источником для этого выступила летопись С. Величко. Работа Ф. Сысина показывает: польская концепция «отчизны» как государства, с его территорией и населением, была адаптирована к Гетманщине. Несмотря на то, что этот термин имел и отдельное альтернативное применение, понятие «отчизна» трансформировалось из речепосполитского в казацкое. По словам исследователя, «текст Величко показывает сдвиг в концептуализации родины от старой Речи Посполитой к Украине и ее политических структур» [6, с. 11], а составляющие данной концептуализации адаптированы к украинской политической культуре в период после гетманства Хмельницкого. Ведь время Руины было достаточно нестабильным и границы государства часто менялись [6, с. 13].

Ф. Сысин отмечает, что С. Величко называл отечеством или родиной Украину, Малую Россию и Украину Малороссийскую. Главная цель «летописца» – это призыв к заботе и сохранению целостности своей родины, ведь ее интересы всегда должны быть, прежде всего, а верность ей легитимизирует даже сопротивление существующему политическому строю. По заключению исследователя, такое важное значение «отчизна» приобрела именно в XVIII веке во время правления гетмана И. Мазепы, а собственно идея «отчизны» и сформировала измененную украинскую идентичность.

Еще одной статьей Ф. Сысина, где казацкое летописание использовалось как источник для истории представлений и истории политических идей, является «Образ России и украино-российских отношений в украинской историографии конца XVII – начала XVIII века» [7]. При анализе употребления терминов «Московия», «Россия», «Малороссия», общих черт и противопоставления украинского исторического сознания с российским исследователь применял в качестве источника украинские летописи, написанные в течение 1670–1720 гг. К ним относятся «Кройника» Софоновича, Густинская летопись, «Синопсис» и летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко. Ф. Сысин обращает внимание, что проблемой данного исследования является то, что эти термины не имели четко выраженного значения в эпоху раннего модерна и в период эволюции употребления термина «Малороссия». «Кройнику», Густинскую летопись и «Синопсис» ученый называет монашеской историографией и описывает влияние, которое она оказала на становление российского исторического сознания. По мнению исследователя, эти памятники подготовили историческую основу для взгляда на украинцев и русских как на часть «славянорусского народа» периода Киевской Руси. Историческое прошлое Киевской Руси в этих текстах использовалось для идеологических потребностей российского самодержца. В итоге украинское монашеское историописание национализировало русскую историографию и сделало невозможным возведение русской идентичности только к отождествлению с династией или государством, а попытка слияния украинской и русской истории в этих текстах выглядела неубедительной.

Другую группу отечественной историографии раннего модерна представляют казацкие летописи,

которые демонстрируют противоположное видение московского/российского государства и их правителей. Летопись Самовидца, несмотря на значительное внимание к описанию событий в России и деятельности русской администрации в Гетманщине, особенно после Переяславского соглашения, достаточно редко рассказывает об украино-российских отношениях. Однако, по словам Ф. Сысина, автор летописи показывает свое негативное отношение к Петру I в рассказах о его жестокости и военных поражениях, а также часто вспоминает Сибирь как место ссылки украинцев. Самовидец подчеркивает обособленность московского и казацкого народов и отмечает, что военное соглашение с русским царем не стало поводом для единения с Россией.

Вторая часть произведения Г. Грабянки сосредотачивается именно на истории украино-российских отношений, участниками которых выступают две страны и два разных народа. Основная цель «летописца» – легитимизировать казацкие права и привилегии путем описания Переяславского соглашения как добровольного военного союза, а правления Б. Хмельницкого как идеальной модели отношений между Гетманщиной и Россией [7, с. 449]. По заключению Ф. Сысина, Грабянка акцентирует внимание на разнице общественно-политического устройства украинцев и русских, несмотря на подданство единому царю, а критика гадяцким полковником царской политики иногда была настолько острой, что ее даже не допустили к печати при публикации летописи. По наблюдению исследователя, у «Величко находим еще больше, чем у Грабянки, свидетельств того, что политика царя и российских чиновников часто была губительной и натыкалась на сопротивление различных групп украинского общества» [7, с. 458]. «Он подал широкие сведения об интеграции Украины в Россию и нарушении Россией политической и религиозной автономии Украины... Но он придерживался мнения, что Малороссия и малороссийский народ находились в отношениях с самодержцем, который связал себя в Переяславе присягой уважать их вольности» [7, с. 460].

Итак, по мнению ученого, украинская монашеская историография ввела понятия «народ» и «восточнославянское сообщество» в российское историописание и даже укрепила уверенность в правомерности наследственных претензий русского царя к Украине. Одновременно казацкое летописание создало образ украинско-российских отношений, который влиял на украинское историческое сознание XVIII–XIX вв.

Одним из современных историков, который исследует казацкое летописание, является И. Дзыра. Большинство его работ сосредотачивается на вопросах историографического характера, однако статья «Летопись Самовидца как источник исторической топонимики» показывает широкие возможности использования казацкого летописания как источников [8]. Текст летописей позволяет рассмотреть систему географических понятий Украины и соседних государств второй половины XVII века и проследить историческое развитие топонимической лексики и национальной диалектологии. Стоит отметить, что именно в статье И. Дзыры топонимы впервые стали объектом специального исследования. Ученый обращает внимание на употребление национальных топонимов, особенно на термины «Украина» (более 70 раз) и отсутствие термина «Малая Россия» [8, с. 140]. И. Дзыра поднял вопрос употребления топонимов в виде тропов, поскольку летопись является произведением эпохи барокко. Важным моментом исследования являются морфологические и фонетические изменения, которые произошли в топонимах, а также изменения определенных топонимов в текстах Самовидца и более поздних хроник – «Действий…» Г. Грабянки и «Краткого описания Малороссии». Несмотря на небольшой объем статьи, И. Дзыре удалось ответить на ряд существенных вопросов исторической топонимики и диалектологии.

Большое количество работ по тематике казацкого историописания присутствует в трудах А. Бовгири. Статья «“Герои” и “антигерои”, “другие” в казацком историописании XVIII в.» посвящена характеристике комплекса представлений, образов, оценок исторических фигур в литературе канцеляристов [9]. Исторические памятники XVIII века создали собственный пантеон «героев», который возглавляет, бесспорно, Б. Хмельницкий и, соответственно, круг «антигероев». Их изучение позволяет проследить политические идеи и предпочтения эпохи раннего модерна, а собственно казацкие летописи являются ценным источником по истории общественной мысли. Яркий пример – анализ А. Бовгирей образа И. Мазепы в текстах военных канцеляристов. Переход гетмана на сторону шведского короля Карла XII в Северной войне привел к созданию образа «гетмана-предателя». Для дискредитации Мазепы в общественном сознании жителей Гетманщины использовались политические (царские указы, манифесты) и религиозные факторы (анафема). Однако в исторических произведениях, по словам А. Бовгири, мы видим другую картину: «Примечательно, что в трех классических казацких летописях Мазепа – представитель “старожитной шляхты украинской”, “значительный шляхтич козакоруский”. Впрочем, позже сложилась традиция, по которой он позиционировался как “естественный польский шляхтич”, чтобы подчеркнуть непричастность “малороссийского народа” к его поступку» [9, с. 344]. Исследователь подчеркивает, что фигура гетмана в летописях Грабянки и Самовидца нейтральная и только у С. Величко – отрицательная, но это обусловлено личным отношением «летописца» к И. Мазепе без упоминания о его переходе на сторону шведов. В тексте С. Величко негативная оценка Мазепы не связана с его выступлением против Петра I, а объясняется тем, что гетман был врагом покровителя Величко – В. Кочубея. «Летописец» даже называет его «хитрым махиавелем». В летописях Г. Грабянки и Самовидца мы видим нейтральное отношение к И. Мазепе [9,

с. 344]. В целом фигура гетмана в этот период не приобретает особую популярность в историописании, поскольку «идеальным правителем» изображают Б. Хмельницкого.

Портреты польских и российских монархов и турецких султанов преимущественно нейтральные, поскольку канцеляристы всю ответственность за негативную политику и решения в отношении Гетманщины возлагали на окружение правителей.

Во второй части статьи А. Бовгиря обращается к вопросу «других», то есть представителей иных этносов, и об их восприятии в XVIII веке. В круг этих этносов исследователь включает жителей Западной Европы, россиян, балканские и дунайские народы, поляков, евреев, татар и турок. Показательно, что канцеляристы Гетманщины отделяли себя как казацкий народ от других этносов. Нейтральную оценку в летописях имеют жители стран Западной Европы, в большинстве случаев россияне и балканские народы, а поляки и евреи часто вызывают недовольство. Однако наиболее негативный образ в историографии XVIII века присущ туркам и татарам. По заключению ученого, создание подобных характеристик «других» и противопоставление им себя является одним из элементов конструирования идентичности в исторических произведениях Гетманщины.

В разделе коллективной монографии «Академические и доакадемические образы украинской историографии» А. Бовгиря оценивает образы казацкого историописания XVII–XVIII вв. [10]. Первая часть раздела посвящена задачам казацких летописцев, источниковой базе летописей, их структуре и вопросу авторства. По мнению исследователя, основная цель историописания канцеляристов заключалась в доказательстве давности происхождения «казацкого малороссийского народа» и тезиса, что его автономные права и привилегии являются незыблемыми.

Вторая часть статьи описывает конструирование идентичности и видение истории в казацком историописании. Идентичность имеет два определяющих фактора – это этногенез и территория. В отличие от церковных историков XVIII в., которые обращались к библейским сюжетам, казацкие летописцы использовали античные темы. Этногенез казачества выводился от хазарских племен, эта концепция была заимствована из польской идеи сарматизма. «Хазарская концепция давала возможность казацким летописцам, опиравшимся при этом на древнюю европейскую традицию, разработать ветхозаветную генеалогию происхождения украинцев-хазар, по которой последние были потомками Гомера – Ноева внука» [10, с. 175]. Для определения территории в казацких летописях применяется несколько названий – это «Украина», «Русь/русская земля», «Малороссия». Термин «отечество» употреблялся преимущественно по отношению к Речи Посполитой, но, начиная с летописи С. Величко, «казацкое отечество» вытесняет «речепосполитское» [10, с. 183].

А. Бовгиря исследовал вопрос репрезентации картины прошлого казацкими летописцами, в частности, их мотивы для создания работ, сравнение описания возникновения Гетманщины, войны под предводительством Б. Хмельницкого и событий Руины. По мнению ученого, казацкие летописцы в своих произведениях определили для себя главные события (война Хмельницкого, войны с турками, восстановление гетманата), а все другие события и явления трактовались как второстепенные и зависели от причинно-следственных связей с важнейшими фактами историописания Гетманщины. Используя эту концепцию, канцеляристы также легитимировали давние казацкие права и вольности.

Другой новой темой, которую раскрывают исследователи на материалах казацкого летописания, является роль женщины в эпоху Гетманщины. В работе Ю. Пидмогильной «“Барокковый исторический роман” Г. Грабянки и его героини» анализируется положение и влияние женщин на политическую ситуацию и военное дело в XVIII в. [11]. «Действия презельной брани» были выбраны автором из-за того, что Г. Грабянка из всей литературы канцеляристов наиболее полно описывает женскую историю, в его произведении женщины действуют самостоятельно и выражают свое мнение. Ведь до этого роль женщин в основном сводилась к малозаметным конспективным свидетельствам и описанию их как безвольных жертв. Особое внимание Ю. Пидмогильная уделяет изображению Грабянкой княгини Вишневецкой и Розанды Лупул. В итоге исследователь убеждена: анализ женских образов показывает, что женщины не безвольные участницы исторических событий, а в ряде случаев именно их роль была ключевой.

Вопрос создания казацких мифологем поднят в монографии П. Кралюка [12]. По наблюдению автора, казацкий миф сформировался в начале XVII века и испытывал заметные изменения в соответствии с трансформациями украинского социума. Исследователь изучает возникновение мифологем о казаках от времени раннего модерна до современных дискурсов XXI века. Важное место в системе идеологии казачества занимает так называемое летописание эпохи Гетманщины. По мнению ученого, летопись Самовидца далека от идеализации и казачества как сословия, и гетмана Б. Хмельницкого. А вот «Действия презельной брани» Грабянки создают целый ряд мифологем, которые доминировали на протяжении XVIII века. К ним П. Кралюк относит следующие утверждения: «Казаки – мужественные и справедливые люди, которые не повинуются угнетателям и хотят свободы; Хмельницкий – главный казацкий герой, воплощение лучших черт казачества; поляки – самые большие враги казаков; россияне, собственно, московиты – друзья и покровители казачества» [12, с. 151]. Мифология С. Величко во многом совпадает с концепциями произведения Грабянки. Это касается идеализации казачества, изображения Б. Хмельницкого как Моисея, призванного освободить народ от рабства, и позитивное

отношения к российскому государству как военному союзнику. Однако многие исследователи, в том числе П. Кралюк, обращают внимание, что С. Величко является автором мифологемы о Запорожской Сечи как альтернативы, временами «неразумного» правления и противоречивых поступков некоторых гетманов. По словам ученого, Запорожская Сечь для канцеляриста – это «организация, где каждый свободен в своих действиях, имеет право голоса, хотя и подлежит общей дисциплине. Величко даже находит выразителя своих взглядов – Ивана Сирко» [12, с. 156]. Учитывая мощное влияние, которое оказывали казацкие хроники на дальнейшее историописание и художественную литературу (Н. Костомаров, П. Кулиш, Т. Шевченко), следует подчеркнуть актуальность темы исследования возникновения казачьих мифологем.

Заключение. Современная историография рассматривает литературу канцеляристов как многоплановые историко-литературные конструкции, отказавшись от восприятия казацкого историописания как недостоверных, с точки зрения фактографических сведений, и субъективных исторических источников.

Летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко можно назвать историографическими источниками, ведь они отражают факты из истории украинской исторической науки, дают возможность изучать процесс накопления исторических знаний и особенности формирования исторического сознания XVIII века.

Литература канцеляристов служит ценным источником для изучения общественного мнения XVII–XVIII вв., социально-политических предпочтений казацко-старшинской элиты, их способов легитимации во время постепенного угасания автономии Гетманщины. Исторические произведения казацких «летописцев» имели цель подтвердить законность древних прав и вольностей запорожских.

Вышеупомянутые ученые применяют казацкие летописи для изучения, прежде всего, истории идей и представлений, истории повседневности, истории понятий, исторической топонимики и даже гендерных исследований. Важным аспектом при этом остается проблема влияния хроник Самовидца, Грабянки и Величко на формирование украинской идентичности и процесс национального возрождения.

Следовательно, казацкое летописание, несмотря на определенную недостоверность фактов, продолжает служить важным источником для нынешних исследований в области интеллектуальной истории.

Особую актуальность приобретают анализ литературы канцеляристов во всей современной историографии и обобщающая работа по восприятию и использованию летописей Самовидца, Грабянки и Величко в исторических и литературных трудах XVIII–XXI века.

Литература

1. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII ст. у вітчизняній науковій літературі 1830–1860-х рр. / І.Я. Дзира // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: зб. наук. пр. / Інститут історії України; відп. ред.: Г.В. Боряк. – Київ, 2015. – Число 26–27. – С. 223–241.
2. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII ст. у вітчизняній історіографії 1871–1917 рр. / І.Я. Дзира // Проблеми історії України XIX – початку XX ст.: зб. наук. пр. / Інститут історії України; гол. ред.: О.П. Реєнт. – Київ, 2011. – № 19. – С. 429–458.
3. Дзира, І.Я. Українське літописання XV–XVIII століть у вітчизняній історіографії 1918–1935 років / І.Я. Дзира // Український археографічний щорічник. – 2012. – Вип. 16–17. – С. 300–326.
4. Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. / Н. Яковенко. – К.: Генеза, 1997. – 380 с.
5. Яковенко, Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. / Н. Яковенко. – К.: Laurus, 2012. – 472 с.
6. Сисин, Ф. «Отчизна» у політичній культурі України початку XVIII століття / Ф. Сисин // Україна модерна. – 2006. – Число 10. – С. 7–19.
7. Сисин, Ф. Образ Росії та українсько-російських взаємин в українській історіографії кінця XVII – початку XVIII сторіччя / Ф. Сисин // Переяславська Рада 1654 року (Історіографія та дослідження) / НАН України, Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, Наук. т-во ім. Шевченка в Америці, Канад. ін-т укр. студій; редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич [та ін.]. – Київ, 2003. – С. 431–462.
8. Дзира, І. Літопис Самовидця як джерело історичної топоніміки / І. Дзира // Спеціальні історичні дисципліни. – 1999. – № 3. – С. 136–144.
9. Бовгиря, А. «Герої» та «антигерої», «інші» в козацькому історіописанні XVIII ст. / А. Бовгиря // Історіографічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. / Інститут історії України НАН України; редкол.: В.А. Смолій. – Київ, 2014. – Вип. 25. – С. 341–356.
10. Бовгиря, А. Образи козацького історіописання XVII–XVIII ст. / А. Бовгиря // Академічні й доакадемічні образи української історіографії: колективна монографія / НАН України. Ін-т історії України; відп. ред. та керівник авт. кол. О.А. Удод. – Київ, 2012. – С. 150–193.
11. Підмогильна, Ю. «Бароковий історичний роман» Г. Граб'янки та його героїні / Ю. Підмогильна // Літературознавчі обрії. Праці молодих вчених / Ін-т. літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України; редкол.: Т.І. Гундорова [та ін.]. – Київ, 2014. – Вип. 21. – С. 133–141.
12. Кралюк, П.М. Козацька міфологія України: творці та епігони / П.М. Кралюк. – Х.: Фоліо, 2017. – 394 с.

Поступила в редакцию 28.05.2020